

"Коннор! Ты не поверишь в хорошие новости!".

Коннор Флаэрти сел в своей постели и задрожал, плотно натянув одеяла на плечи. Одной рукой он пытался протереть заслезившиеся глаза. Он не спал до часу ночи, играя в онлайн-игры с друзьями. Будильник показывал 3:16. Господи Иисусе. "Во что ты веришь, Бриджид? А ты знаешь, который час в Чикаго?".

"Конечно, понимаю", - ответила его сестра с другого конца Атлантики. "Но я не могла дожидаться, чтобы сказать тебе. Я возвращаюсь домой! Ну, а потом снова уеду", - добавила она, слегка осклабившись. "Но у меня есть прекрасная возможность! И у тебя тоже!"

"У меня? Что?"

"О, это просто фантастика. Вы не поверите. Как ты смотришь на то, чтобы провести следующие два года на тропическом острове в южной части Тихого океана?"

"Это звучит совершенно ужасно", - сказал он ворчливо, после того как взял секунду на размышление. "Наверняка у них нет ни пиццы с глубоким блюдом, ни высокоскоростного интернета, ни софтбола, ни приличного пива, ни чего-либо еще".

"Коннор!" В ее голосе слышалось раздражение, и даже в своем сонном состоянии он не мог не усмехнуться. Он практически мог видеть, как она стучит ногой от разочарования. "Это - о, черт, я должен сесть на свой рейс. Все произошло в такой спешке, что я едва успела в аэропорт вовремя. Я в Хитроу. Я буду в О'Харе в полдень. Я напишу тебе номер рейса, встретимся там, мне нужно идти, люблю тебя, пока!" - торопливо закончила она.

Он тупо уставился на свой мобильный телефон, когда звонок оборвался, а затем рухнул обратно в кровать, дрожа от предрассветной прохлады. Зима пришла в Чикаго с местью. За выходные выпало около фута снега, и синоптики на канале WGN говорили, что на предстоящей неделе температуре повезет, если она поднимется выше нуля. За окном его квартиры в Гайд-парке было слышно, как декабрьский ветер завывает в кронах деревьев.

Вообще-то, тропический отпуск сейчас звучит очень неплохо, подумал он, натягивая одеяло на голову. Жаль, что Бриджид сумасшедшая. Я никуда не поеду.

Когда он проснулся на следующее утро, он был наполовину убежден, что все это было удивительно ярким сном. Но сообщение на его мобильном телефоне было совершенно четким. Бриджид прилетала рейсом 87 авиакомпании American Airlines из Хитроу, время прибытия - 11:50 утра.

Покачав головой, он доехал до О'Хара и уже ждал на проходной в международном терминале,

когда его сестра вышла из ворот.

Она выглядела так же, как всегда, подумал он. Фарфорово-бледная кожа и огненно-рыжие волосы, подарок их матери-ирландки, которые она постоянно пыталась приручить, не изменились. Волнистая масса была безжалостно заплетена в толстую косу, доходившую до половины спины. Ее зеленые глаза были как всегда яркими, хотя и немного затуманенными усталостью, а одета она была в консервативный, но элегантный женский костюм, слегка помятый от почти девятичасового перелета.

Она остановилась перед ним. Ее губы дрогнули в небольшой улыбке. "Привет, парень".

"Сам привет".

Она бросила сумку и обняла его, быстро и крепко. "Боже, как я по тебе скучала!" Ее голос был резким шепотом в его ушах. Когда она отстранилась, ее щеки были мокрыми. "Почему ты никогда не звонишь, Коннор? Электронной почты недостаточно. Разве я прошу слишком многого, чтобы иметь возможность слышать твой голос?"

"Я знаю". Пристыженный, он уставился на свои ботинки, затем нагнулся и поднял ее сумку. "Но Бухарест находится на девять часов раньше Чикаго. И я работаю в нечетные часы. Я никогда не знаю, будешь ли ты спать, или работать, или на каком-то причудливом дипломатическом мероприятии, или еще что. Электронная почта кажется проще".

"Проще. Ха," - хмыкнула она, явно неубежденная. По тому, как она посмотрела на него, было легко понять, что она не собирается оставлять этот вопрос без внимания.

"Так сколько у тебя багажа?" - спросил он, когда они направились в зону выдачи багажа.

"Всего один чемодан. Этого достаточно, чтобы продержаться несколько дней. Я взял на себя смелость переправить остальные вещи из посольства к вам. Надеюсь, вы не возражаете".

"Думаешь о переезде?" Холодный кулак, казалось, сжал его сердце. Несмотря на то, как сильно он ее любил, меньше всего ему хотелось, чтобы соседом по комнате была его старшая сестра.

"Конечно, нет. Но куда еще я собиралась ее отправить? Теперь, когда мы продали старый дом, я вроде как бродяга, Коннор".

"Ты прав. Я идиот. Мне жаль". Он глубоко вздохнул. "И ты можешь оставаться здесь столько, сколько захочешь".

Она наклонилась и поцеловала его в щеку. "Я знала, что есть причина, по которой я не толкнула тебя под поезд, когда мы были детьми".

Он заставил себя улыбнуться. "Спасибо. Это твое?" - сказал он, указывая на знакомый чемодан, потрепанный и изношенный по краям.

"Да". Она сняла его с ремня, передала ему, а взамен взяла свою собственную ручную сумку. "Давайте посмотрим на ваше новое место".

По настоянию Бриджид они сделали одну остановку - у гамбургерной Culver's, где она заказала двойной чизбургер, луковые кольца и шоколадный коктейль. Все это исчезло в считанные минуты. Она откинулась назад в кожаном салоне "Теслы" Коннора, забыв у ног сумку с едой, и благодарно вздохнула. "Боже, Сквирт, это было то, что надо. В последние несколько месяцев были моменты, когда я бы променяла всю шикарную еду на всех посольских приемах в мире на один старый добрый жирный американский обед".

Он фыркнул, когда она назвала его по старому прозвищу, и она спрятала улыбку. Ее брат никогда не менялся. Дважды специализировался на электротехнике и машиностроении с упором на возобновляемые источники энергии, был выбран в качестве восходящей звезды одной из крупнейших энергетических компаний в стране еще до получения степени магистра, а теперь работает независимым консультантом с зарплатой, которая была почти неприличной по сравнению с ее государственной стипендией, а она все еще могла нажимать на его кнопки, как делала это, когда ей было девять, а ему шесть лет.

Через несколько минут Коннор подъехал к своему комплексу. Они припарковали машину и вошли в здание, неся сумки Бриджид. Она старалась держать рот закрытым, но он все время норовил открыться, особенно когда швейцар махнул им на входе кончиком своей фуражки, а Коннор рассеянно кивнул. Фойе было показно скромным, как будто он знал, что может выглядеть возмутительно дорогим, но решил этого не делать. Лифт доставил их на верхний этаж, где открылся с приглушенным звоном. Оказавшись в самом кондоминиуме, она бесполезно захлопала челюстями.

"Это просто смешно", - сказала она, когда к ней вернулась дар речи.

Окна от пола до потолка выходили на юг и запад, открывая вид на большой кусок чикагского жилого массива. Теплые деревянные полы, приятные для глаз, тянулись от стены до стены, прерываемые только толстыми коврами, явно ручной работы и, что не менее очевидно, чрезвычайно дорогими. Перед ней и справа от нее ряд неглубоких ступенек вел вниз в зону развлечений, центральным элементом которой был почти смехотворно большой телевизор с плоским экраном. Он был окружен темной кожаной мебелью, которая выглядела греховно роскошно. Слева от нее находилась кухня с гранитной столешницей и светильниками из нержавеющей стали. Справа от нее коридор вел вниз к спальням и ванной комнате.

"Господи, Коннор, ты говорил мне, что у тебя все хорошо, но такого я не ожидала".

"Этого?" Он огляделся вокруг, затем пожал плечами. "Ну, ты сэкономил коммунальной

компании полмиллиарда долларов, когда они решили перестроить всю свою инфраструктуру, и они, возможно, решат бросить пару пятаков в твою сторону". Он снял свое потрепанное кожаное пальто и повесил его на столь же ветхую вешалку на ближней стене, рядом с грязной рыбацкой шляпой Subs. Она пристально посмотрела на вешалку, почти уверенная, что ее брат украл ее из их квартиры в Шампейне, когда он был студентом, а она получала степень магистра в области международного бизнеса.

"Но ты по-прежнему настаиваешь на том, чтобы одеваться так, будто ты беженец из девятнадцати-двадцатых", - сказала она, рассматривая поношенные джинсы, потертые коричневые туфли, выцветшую бежевую футболку и клетчатую фланелевую рубашку. Она с отвращением погладила фланель. "Разве ты не был в этом, когда я видела тебя в последний раз?"

"Может быть".

"Коннор, это было год назад. Разве ты не можешь одеваться... ну не знаю... лучше?"

"Эй. Я носил фланель до того, как фланель стала крутой."

"Фланель - это не круто. Она не была крутой уже пятнадцать лет, Коннор".

Он поднял палец. "Мода циклична. Фланель была крутой однажды, поэтому она будет крутой снова. Я сейчас ношу фланель. Следовательно, - он разъяренно усмехнулся, - я носил фланель до того, как фланель стала крутой. Единственная разница в том, что мы говорим о будущем событии в прошедшем времени".

"Аргх!" Она вскинула руки вверх. "Я сдаюсь. Где здесь ванная? Мне нужно пописать и принять душ".

"Ты, наверное, тоже устала", - сказал он, ведя ее по коридору. "Хочешь вздремнуть?"

Она покачала головой. "Если да, то я буду спать часами. Сейчас мои внутренние часы считают, что уже почти полночь. Если я засну, то буду спать в течение недели, а я этого не выдержу, тем более, что в четверг у меня собеседование. Мне нужно продержаться хотя бы до заката и нормально поесть."

"Но как только я лягу в эту кровать, я сразу же вырублюсь к чертям собачьим."

Через час она вышла из гостевой спальни, приняв душ и одевшись в старые рваные джинсы и толстую, удобную толстовку, чувствуя себя немного посвежевшей. Она вынула волосы из привычной косы, и темно-рыжая масса рассыпалась веером по плечам. К ее удивлению,

младший брат усердно готовил суши на кухне. Перед ним было разложено головокружительное количество инструментов и ингредиентов. Она наблюдала, как он заворачивает липкий рис в креветки темпура, затем поливает их темным соусом и нарезает на порционные кусочки острым ножом.

Эффект был бы впечатляющим, если бы он не носил на голове поясok от своего халата в насмешку над головной повязкой, которую носят настоящие суши-повара.

Она покачала головой, борясь с хихиканьем, зная, что Коннор сделал это только для того, чтобы рассмешить ее, но, тем не менее, она была беспомощна. "Ты просто дурочка".

Он быстро улыбнулся через плечо. "Нужно знать одного, чтобы узнать другого, сестренка".

Она вытерла глаза, не удивившись, что по ее щекам текут слезы. "Помнишь игру со штатом Огайо?"

"Мой звездный час".

Восемь лет назад...

"Почему ты хочешь пойти на игру?" - спросила она. "Ты даже не любишь футбол. И команда ужасная. Они не выиграли ни одной игры с сентября. А "Огайо Стэйт"... очень хороши. Они уничтожат нас на хрен, Коннор".

"Ну и что? У меня хорошие места. Почти на уровне поля. Погода обещает быть хорошей. Мы можем посидеть вместе, пообщаться и просто... забыть на время обо всем остальном". Его глаза потемнели от воспоминаний о том ужасном августовском дне, всего через неделю после начала занятий.

Они должны были поехать все пятеро, - с дрожью вспомнила Бриджид. Их родители решили отправиться в отпуск, чтобы отпраздновать двадцать пятую годовщину свадьбы, и хотели, чтобы трое детей поехали с ними. Были куплены билеты и забронированы места на неделю катания на лыжах в Вайоминге. Но работа матери отложила отпуск до августа. Коннор, студент младших курсов Иллинойса, и Бриджид, только начавшая аспирантуру в Северо-Западном университете, неохотно решили остаться в Иллинойсе, не желая пропускать неделю занятий.

Когда они ехали в аэропорт в ливень, машина заскользила по мокрому асфальту, вышла из-под контроля и на скорости пятьдесят миль в час врезалась в опору моста. Их родители погибли мгновенно. Их сестра Бренда, пятнадцатилетняя и безумно красивая, пролежала шесть мучительных дней, прежде чем скончалась от полученных травм. Все трое были похоронены в

едином порыве. Бриджид, не желая расставаться со своим единственным близким родственником, на следующей неделе перевелась в Иллинойс.

"Это глупо", - пробормотала она, когда "Огайо Стэйт" забил очередной тачдаун. Вокруг них вялые болельщики, оцепеневшие от многолетних поражений, начали подниматься на ноги и, сутулясь, покидать стадион. Их секция за скамейкой запасных ОГУ была уже почти пуста. "Давай, Коннор, вернемся в мою квартиру. Мы можем заказать "Papa Del's" и посмотреть кино. Я даже позволю тебе выпить пива или два".

"Нет." Со злым блеском в глазах он достал из кармана коричневый бумажный пакет. Он положил его на бутылку Mountain Dew, которую достал из внутреннего кармана своей кожаной куртки. Для неискушенного глаза это выглядело так, будто он пьет алкоголь и пытается скрыть это, как обычный бомж на улице.

"Нет", - сказала она громким шепотом, стараясь не привлекать внимания. "Ты не будешь изображать здесь пьяного ирландского дядюшку". В течение многих лет Коннор подражал дяде их матери Патрику за обеденным столом, обычно с уморительными результатами.

"Конечно, нет", - ответил он, выглядя слегка оскорбленным. Но прежде чем она успела расслабиться, он продолжил. "Теперь у меня есть лучший распорядок дня. Я буду пламенным гей-пьяным ирландским дядюшкой".

"О, милый Джейсус", - прорычал он, прежде чем Бриджид успела ответить, вставая и слегка покачиваясь. Его голос углубился и стал более хриплым. Для тех, кто его не знал, он звучал как пьяный мужчина лет пятидесяти, закрывающий очередной соседский паб в час ночи в воскресенье. "Кто это? Это самый сладкий кусок задницы, который я когда-либо видел! Как его зовут? Лорен... Лаушен... Лоренитис!" - торжествующе воскликнул он, указывая на мускулистого полузащитника, стоявшего всего в нескольких ярдах от их мест. "Конечно, это чертовски коверкающее имя, но я уверен, что его язык будет красивым и извилистым, если он приложит к этому все усилия, не так ли?". Вокруг них люди начали таращиться.

"Вы только посмотрите на это тело, а? Он похож на большой кусок первосортной корейки". Со своего места, предусмотрительно отодвинутого на несколько футов, Бриджид могла видеть, что слова ее брата подействовали на молодого футболиста. Его руки начали подергиваться, сжимаясь в кулаки. Его товарищи по команде, напротив, наслаждались зрелищем. Некоторые из них смеялись и показывали на трибуны. "И я бы поджарил его задницу, можешь быть уверен в этом. Я бы жарил его снова и снова, снова и снова.

"Боже и сынок Иисус, что бы я сделал с этой задницей", - продолжал Коннор, резко размахивая пакетом и бутылкой. "Я бы облил ее клубничным мармеладом. А потом привязал бы его руки к столбикам кровати и слизал бы все это".

Сквозь слезы беспомощного смеха Бриджид могла видеть, как красная полоса краснеет на шее юноши. Несколько его товарищей по команде тем временем упали на пол, катаясь взад и вперед.

"И его волосы. Боже, они такие длинные, потные и жирные! Я хочу провести по ним руками. Готова поспорить, что масла в них хватит на месяц. И, Боже, нам понадобится много смазки, когда мы залезем в мешок. Нет ничего лучше, чем немного смазки, чтобы поезд вошел в туннель, понимаешь, о чем я? О, я знаю, что понимаешь, Джимми. Как думаешь, он разрешит мне побрить его голову? Я хочу потереть ногами его макушку и почувствовать его кожу на своих пальцах. Боже и Мать Мария, разве это не согреет одинокого мужчину в холодную ночь?"

Сжимая живот, слезы текли из ее глаз, Бриджид увидела приближающегося помощника, одетого в неоново-желтые жилеты, которые, казалось, высасывали всю радость из их душ. "Коннор. Входит".

Седовласый мужчина навис над ее младшим братом, как недовольный ворон. "Сэр, я вынужден попросить вас уйти".

"Валяйте", - сказал Коннор, едва удостоив мужчину взглядом. "Джимми. Джимми!"

Молодой человек на поле дернулся, затем неохотно обернулся, влекомый какой-то невидимой силой.

Коннор поднял руку к голове, вытянув большой палец и мизинец, имитируя телефон. "Позвони мне, сладкая? Пожалуйста?" - промурлыкал он, задорно хлопая ресницами. "Мой номер..." Коннор пробормотал бессмысленную строчку цифр, казалось, не обращая внимания на товарищей Джеймса Лауринитиса по команде, которые завывали от смеха.

"Сэр?"

"Что?"

"Я сказал, что должен попросить вас уйти".

"Тогда сделай это, черт возьми. А потом объясни мне, почему".

Ошеломленный его каменно-трезвой воинственностью, юзер сделал паузу. "Алкоголь на территории кампуса запрещен".

"Я не пьян, и здесь нет алкоголя. Идите. Бери", - прорычал Коннор, протягивая ему бутылку. "Если только в "Пепси-Коле" ничего не изменилось, в этой гребаной "Маунтин Дью" нет алкоголя".

"Вы...", - беспомощно заикаясь, произнес юзер. "Мы просим болельщиков не оскорблять приезжих студентов-спортсменов", - справился он, явно пересказывая слова из какой-то внутренней памятки.

"Оскорблять? Что оскорбительного в том, что я сказал?" Коннор игриво чмокнул губами. "Я просто рассказывал своему другу Джимми там внизу обо всех замечательных вещах, которые я хотел бы сделать с ним в постели. Или ты настолько глуп, что не можешь понять элементарный английский? И "студент-спортсмен"?" Он насмешливо фыркнул. "Это не студент. Это двести пятьдесят фунтов надутых мышц. Неужели ты думаешь, что он такой же, как все мы, которым приходится учиться? Посмотри на этих долбанных уродов. Восемьдесят из них на боковой линии, и я готов поспорить, что девяносто процентов из них - студенты факультета коммуникаций. Это если они действительно могут как-то общаться, кроме как хрюкать и пукать".

"Пошел ты, маленький говнюк", - ответил юзер, уязвленный насмешливым презрением брата. "Давай, Мерт", - сказал он другому помощнику, который присоединился к нему. "Давай выгоним этого засранца". Он вывернул не сопротивляющуюся руку за спину Коннора и лягушачьим маршем потащил его вверх по ступенькам.

"А, теперь я вижу, как это происходит", - крикнул Коннор, в его словах слышалось маниакальное веселье. "Видите, какое насилие заложено в системе!" - взывал он к уставившимся на него фанатам. "Видите, какое насилие заложено в системе! Помогите! Помогите! Меня подавляют!"

"Чертов крестьянин!" крикнула Бриджид, поднимаясь вслед за ним по лестнице.

"Тебе чертовски повезло, что тебя не отстранили от занятий за этот маленький трюк", - сказала она, возвращаясь в сегодняшний день.

Коннор рассмеялся и поставил на кухонный стол тарелки, палочки для еды, соевый соус в мелкой посуде и уже готовые суши. "Ролл с креветками темпура. Вулкан ролл. Ролл с угрем. Огуречный ролл". Он указал на каждое. Бутылка красного вина уже была на столе, и он налил щедрую порцию в хрустальный бокал, затем передал его ей. Для себя он открыл бутылку пива и налил содержимое в матовый бокал, который достал из морозилки.

"За семью", - сказал он, поднимая бокал. На этот раз на его лице не было и намека на насмешку, а глаза были серьезными.

"За семью". Ее глаза затуманились, когда они звякнули бокалами друг о друга.

Она откусила от своего ролла, ее глаза закатились, когда во рту смешался вкус хрустящих креветок, соевого соуса и овощей. "Когда ты научился делать суши?"

"Несколько месяцев назад. У меня было много свободного времени после окончания работы в Northern Illinois Light and Power, и я пошла на курсы. Это было очень весело".

"И над чем вы сейчас работаете?"

"Да так, кое-что на досуге".

Она возилась с палочками, проводя кончиками по лужице соуса на своей тарелке. "А ты не волнуешься, что у тебя нет постоянной работы? Я имею в виду, я знаю, что за консалтинг хорошо платят, но... я бы так не смогла. Мне нужно чувство стабильности. Я не могу представить, как я буду ждать у телефона, надеясь, что кто-то позвонит".

Одна сторона его рта искривилась в улыбке. "Ну, одним из преимуществ того, что ты один из полудюжины лучших консультантов по возобновляемым источникам энергии в стране, является то, что ты можешь выбирать работу по своему усмотрению. Если бы я захотел, я мог бы получить хорошую семизначную должность в любой из крупных компаний. ComEd, Exelon, Duke, и так далее.

<http://erolate.com/book/2469/61749>